

Пушной Григорий Сергеевич

Трудовая Теория Стоимости как Точная Наука.

(1983 – 2013)

ПРЕДИСЛОВИЕ.

В этой работе я попытался представить основные результаты предпринятой мной попытки критически переосмыслить трудовую теорию стоимости Маркса. Представленная здесь интерпретация Маркса во многих пунктах весьма существенно отличается от «привычного» понимания и потому, вероятно, не сразу будет воспринята правильно. Отказываться от установившихся стереотипов восприятия и шаблонов мышления – дело непростое, требующее определенных психологических усилий. В данном случае к этим «трудностям» добавляется еще и необходимость в определенной математической подготовке, без которой многие важные результаты проведенного анализа не могли быть сформулированы. Я постарался максимально упростить ход рассуждений и сгладить неровности стиля, чтобы сделать максимально прозрачным логический ход мысли и не перегружать читателя лишними подробностями и нюансами.

О чем эта книга? В свое время, будучи еще студентом физфака Ленинградского университета, я был неприятно удивлен тем обстоятельством, что экономическая теория Маркса до сих пор не формализована. В истории науки описано много примеров возникновения новых научных дисциплин. Все они когда-то, на заре своего рождения, страдали одними и теми же недостатками: нечеткостью определений своих основных терминов (часто заимствованных из повседневного обихода), отсутствием четко прописанных алгоритмов сопоставления теории с фактами, ограниченностью преимущественно качественными рассуждениями. Достаточно сравнить прежнее и современное значения терминов современной механики: «работа», «энергия», «сила»..., чтобы увидеть, как сильно может отличаться значение научного термина от его используемого в обиходе прототипа. Первоначальный выбор тех или иных слов для фиксации определенных научных терминов никогда не бывает случаен. Выбор понятия на роль нового научного термина основывается на близости смысла этого понятия вводимому научному термину. Но развитие науки неизбежно ведёт к отделению исходного смысла понятия-прототипа от собственного смысла научного термина, который зафиксирован тем же словом внутри научной теории.

Определение научных терминов опирается на определенную логическую структуру взаимоотношений научных терминов внутри научной теории и на установленные процедуры сопоставления теоретических конструкций с данными опыта. Лишь с течением времени выявляется глубинная внутренняя структурная связь научных понятий, место каждого из них в теории, их связь друг с другом. Поэтому точное определение научных терминов в любой теории формируется постепенно, по мере выявления внутренней логической структуры данной теории. В результате, научный термин получает смысл, иногда сильно отличающийся от исходного смысла слова, которое первоначально было выбрано для его обозначения. Например, несмотря на то, что слово «работа» известно каждому, термин «механическая работа» приходится специально разъяснять – скалярное произведение вектора силы на перемещение тела. Пример, иллюстрирующий, как далеко могут разойтись строгое определение научного термина и обыденный смысл слова, выбранного когда-то для его обозначения.

Лишь после того, как внутренняя структура теории выявлена, и связи между терминами точно установлены, возникает возможность переложения этой структуры на язык математики – начинается этап формализации научной дисциплины. Связь терминов друг с другом выражается с помощью определенных математических соотношений между величинами, фиксирующими научные термины. Так возникает строгая количественная концепция – новая ТОЧНАЯ НАУКА,

в которой все выводы могут быть просчитаны и сверены с фактическими данными. Все научные теории развиваются по этой схеме: стадия качественных рассуждений с нечетко определенными терминами, стадия выявления внутренней структурной взаимосвязи этих терминов и их отношений к реальности, стадия формализации. Далее идет этап проверки построенной теории.

Тот факт, что какая-то теория не поддается формализации, часто свидетельствует о том, что внутренняя структура этой теории еще не выявлена, поэтому термины не имеют строгого однозначного определения, а их соотношения не ясны. В такой ситуации любые попытки формализовать теорию приводят к необходимости выбирать тот или иной акцент смысла нечетко определенных терминов, выбирать, исходя из своих субъективных предпочтений, ту или иную систему связей между терминами. А возможен и другой выбор акцентов, и другая система связей, потому что строгой однозначной определенности на этапе неполного выявления внутренней структуры нет. Поэтому на этой стадии развития теории возможно множество часто взаимно друг друга исключаящих «способов интерпретации», выраженных с помощью математики. Внешне такие теоретические конструкции напоминают теории, но их нельзя называть теориями в строгом смысле этого слова. Во-первых, построенные на основе субъективных предпочтений математические схемы часто не согласуются с фактическими данными. Во-вторых, такие схемы часто слишком оторваны от реальности и не имеют с ней точек соприкосновения. В-третьих, даже схемы, сцепленные с реальностью и имеющие фактические подтверждения, обладают этими достоинствами лишь потому, что они специально так и составлены, чтобы «удовлетворить» некоторой выборке опытных данных, но при этом нет никакой гарантии, что схемы эти будут работать всегда. Первый случай – это схемы, опровергаемые фактами. Второй случай – не верифицируемые спекулятивные построения, часто играющие роль наукообразной идеологии. Наконец, третий случай – схемы, подгоняемые под реальность, то есть схемы, надежность которых сомнительна. В истории науки можно привести много примеров подобных построений.

Я выскажу следующее утверждение. Трудовая теория стоимости (ТТС), несмотря на свой более чем солидный возраст, до сих пор страдает всеми детскими болезнями теорий ранней стадии развития. Во-первых, ее основные термины: «стоимость» и «труд» являются нечеткими, расплывчатыми понятиями, в которые разные группы исследователей привносят свой смысл, плодя все новые версии ТТС. Во-вторых, в силу этой неопределенности, нет общего мнения среди ученых, специализирующихся в этой области, относительно того, какие отношения теоретической структуры являются главными, какие второстепенными. Отсюда и многообразие школ в современной *Marxian economics*. Отсюда и так называемые «противоречия» теории Маркса (правильнее сказать, ее интерпретаций), одно из которых – так называемая «трансформационная проблема» - до сих пор ставит в тупик последователей этой доктрины, заставляя их придумывать все более хитрые решения этой интригующей загадки.

Теория Маркса жива. Судя по обилию публикаций в зарубежной прессе и научных изданиях, можно сказать, что ТТС переживает сейчас эпоху ренессанса. В то же время проблема неясности с «фундаментальными основаниями» ТТС по-прежнему остается. Мы по-прежнему не знаем, как решается «проблема редукции», не знаем, что делать с «трансформационной проблемой», не умеем вычислять «стоимости», не имеем процедуры верификации ТТС. Поэтому, как и 100 лет назад, современная ТТС, несмотря на множество попыток формализовать ее, остается преимущественно качественной концепцией.

Предлагаемое исследование, как ясно из названия, посвящено трудовой теории стоимости К. Маркса. Написанию этого текста предшествовала большая предварительная работа, которая началась, когда я учился в Университете на физическом факультете и впервые познакомился с «Капиталом» Маркса. Мне, как будущему физическому, с первого знакомства показалось странным, что теория трудовой стоимости (ТТС) преподаётся нам в том самом виде, в каком она впервые была изложена самим Марксом в середине XIX века. Прошло 150 лет, мир ушёл вперёд, но за всё это время в изложении этой теории почти ничего не изменилось. Ещё более странным показалось мне то, что лектор объяснял законы трудовой теории стоимости, почти не применяя математику. В лучшем случае, он иллюстрировал закономерности числовыми примерами, тогда как в физике мы привыкли оперировать формулами, дающими описание законов в общем виде. Числовые примеры не убеждали в правильности выводов. Я просмотрел множество учебников политэкономии, но все они были похожи, как две капли воды – изобиловали цитатами и пространными рассуждениями о «единственно-истинном учении Маркса». Кое-где авторы делали попытку придать законам ТТС математическую форму, но всё это выглядело неряшливо: для написания формул использовались русские буквы¹, а сами формулы при этом не выводились, а постулировались как что-то само собой разумеющееся. Создавалось впечатление, что математика в данном случае выполняла функцию математического языка, с помощью которого автор выражал законы, в которых был уверен изначально, не задавая себе вопрос – почему эти законы верны и как это можно проверить.

В физике мы привыкли пользоваться математикой как инструментом для выявления **НЕИЗВЕСТНЫХ** нам закономерностей физических процессов. Здесь же налицо было нечто иное – математика в ТТС не использовалась как инструмент познания. Знание бралось откуда-то извне и формально облекалось в готовую формулу. Но больше всего меня удивило то, что самое фундаментальное понятие ТТС – «стоимость» - не поддавалось точному определению². В точных науках каждое понятие имеет чёткое определение и может быть вычислено, а результат вычисления может быть сопоставлен с опытными данными. Мы говорим, что теория верна, если её результаты, полученные с помощью выкладок и расчётов, соответствуют опытному данным. В советской политэкономии всё было по-другому. «Стоимость» товаров не поддавалась исчислению: теоретически она могла быть больше или меньше, в зависимости от того, какой алгоритм класть в основу для определения этой величины. По этой причине невозможно было сопоставить результаты этой теории с фактическими данными, например, сравнить выводы ТТС о динамике цен с реальной динамикой цен. В то же время, все другие более сложные понятия ТТС (цена, капитал, процент, рента...) неизменно опирались на понятие «стоимость». По этой причине фундамент ТТС казался зыбким и ненадёжным, но именно на этом непрочном фундаменте было выстроено гигантское здание теории Маркса.

Скоро я понял, что изучить теорию стоимости Маркса можно, лишь изучив самого Маркса. С первых же страниц «Капитала» мне стало понятно, что Маркс использует особый язык и особый способ мышления – диалектический метод и что по этой причине правильное понимание мысли Маркса возможно только при

¹ В точных науках принято использовать латинские или греческие буквы.

² В ТТС «стоимость» - это овеществлённый абстрактный труд. Но вычислить «количество труда» пока ещё никому не удалось. Было предпринято много попыток найти точный алгоритм, позволяющий рассчитать «количество труда» (труд как расходование калорий во время труда, труд как рабочее время с введением коэффициентов, отражающих сложность и качество труда), но все эти порой весьма остроумные построения были субъективны и не учитывали изменчивость представлений людей о труде.

хорошем владении этим методом. Я стал изучать Гегеля – его «Науку Логики» и «Энциклопедию философских наук». Оказалось, что метод и конструкция системы Гегеля корнями уходит в философские системы его предшественников и современников: Канта, Лейбница, Фихте, Шеллинга, Юма, Спинозы.... Всё это надо было осваивать по первоисточникам³. Ещё я обнаружил, что статьи и книги по теории Маркса, опубликованные на Западе (направление, которое там называется Marxian Economics), качественно отличаются от публикаций в нашей стране. Там основные положения теории Маркса были формализованы, а многие утверждения представлены как математические теоремы (например, знаменитая там и почти не известная у нас теорема Okishio-Morishima, в которой доказывается, что прибыли положительны тогда и только тогда, когда норма прибавочной стоимости больше нуля). В публикациях советских политэкономов этот огромный пласт исследований по теории Маркса был почти никак не представлен⁴.

Тридцать лет отделяют начало и завершение этой работы. Моя цель была – найти путь превращения ТТС в строгую научную концепцию, которую можно было бы проверить на статистических данных и в дальнейшем использовать как надежный инструмент управления экономикой - превратить ТТС в новую точную науку. Для решения этой задачи нужно было найти надежный алгоритм сравнения разных видов конкретного труда. Только имея такой алгоритм, можно все качественно разные виды конкретного труда представить как конкретные воплощения однородного человеческого труда, который лежит в основе понятия «стоимость». **Чтобы превратить ТТС в точную науку, надо решить проблему редукции труда конкретного к труду абстрактному.** Как только проблема эта решена, все остальное здание теории выстраивается автоматически, поскольку все основные понятия ТТС так или иначе завязаны на центральный ее термин – «стоимость», а точное определение «стоимостей» предполагает решение проблемы редукции.

Идея решения проблемы редукции родилась в 1981 году. Но потребовались многие годы труда и исканий, чтобы развить все вытекающие из этой идеи результаты, провести необходимые обоснования, проверить на статистических данных, сопоставить выводы с историческими фактами.... Идея эта настолько проста и очевидна, что кажется непонятным, почему эту возможность до сих пор упускали из виду. Тем более, что идея эта была сформулирована самим Марксом, причем не один раз и в самых важных, ключевых местах его сочинений, касающихся анализа формы стоимости.

Вот, например, как эта ключевая для решения проблемы редукции идея выражена в первом томе «Капитала»:.....

³ Найти нужную книгу по философии в то время было не просто. Например, книги Ницше и Бердяева мне удалось достать только в виде фотокопий. Некоторые книги были спрятаны в спецхране, но иногда их можно было прочесть у собирателей старых книг дома (бесплатно или за символическую плату).

⁴ Справедливости ради, надо сказать, что среди советских политэкономов встречались глубокие мыслители, но не они определяли общий тренд советской экономической науки того времени. Приведу несколько имён. Рубин И.А. (1928) первым показал, что у Маркса «абстрактный труд», определяющий «стоимость» товаров, и «труд в физиологическом смысле» - не одно и то же понятие. Глубокий философский анализ диалектики конкретного и абстрактного труда дал преждевременно ушедший из жизни тонкий и глубокий философ Ильенков Э.В. (1960).